

СОДЕРЖАНИЕ

Возрождение лорда Эрни. <i>Перевод Е. Токарева</i>	7
Жертвоприношение. <i>Перевод Е. Токарева</i>	95
Проклятые. <i>Перевод Е. Токарева</i>	127
Нисхождение в Египет. <i>Перевод А. Анваера</i>	231
Странники. <i>Перевод А. Анваера</i>	325

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛОРДА ЭРНИ

I

В то время Джон Хендрикс служил гувернером. Первоначально он готовился к принятию духовного сана, но позже оставил церковь по личным причинам, связанным с верой, и занялся преподаванием и наставничеством. Это был честный, добропорядочный человек тридцати пяти лет, неподкупный, умный, но простой и прямолинейный. Он был склонен к размышлениям более других англичан, но шел по жизни, не строя расчетов. Обладая качествами, за которые воспитанники любили и уважали его, он сумел завоевать их доверие. Небогатый, гордый и честолюбивый, он понял, что судьба дает ему шанс, когда министр по делам Шотландии спросил его, не сможет ли он на год оставить своих подопечных и отправиться с его сыном, лордом Эрни, в познавательное кругосветное путешествие, которое сделало бы из того мужчину. Лорд Эрни был его единственным сыном, а сам маркиз — человеком, естественно, очень влиятельным. Доставь Хендрикс к воротам замка возрожденного лорда Эрни, и его будущее будет обеспечено. После поспешного отъезда из Итона мальчик некоторое время находился под опекой Хендрикса, и результаты ее были так превосходны («Знаете, я просто уверен в этом парне», — любил повторять юноша.), что его отец, на которого это произвело довольно сильное впечатление, сделал ему это предложение — так сказать, в качестве последнего средства. А Хендрикс принял его без особых раздумий. Ему и самому

нравился «Бинди», и он искренне желал «сделать из него мужчину», если это было возможно. Они вместе объехали весь мир и из Бриндизи в Италии добрались до озер на севере страны, а оттуда и до Швейцарии. Стояла середина октября. Имея в запасе пару недель, они неспешно направлялись в родовое поместье лорда в Абердиншире¹.

Однако Хендрикс с глубоким разочарованием признавал, что девятимесячное путешествие принесло очень мало пользы. Работа оказалась изматывающей, но он добросовестно делал все, что было в его силах. Он очень нравился лорду Эрни, который со снисходительно-добродушной улыбкой восхищался его энергией, пуская бесконечные кольца сигаретного дыма. Они были почти как два приятеля.

— Вы отличный парень, мистер Хендрикс. Вам самое место в кабинете министров вместе с моим отцом.

Хендрикс доставит бесполезную посылку к воротам замка, получит заработанный тяжким трудом гонорар и вернется к нелегкой жизни преподавателя и литератора в грязных меблированных комнатах. Ему было очень досадно, если не сказать больше. Говоря по правде, наставник был, безусловно, подавлен. От природы полный надежд и оптимизма, какими бывают очень деятельные люди, он даже в оставшееся короткое время искал что-нибудь, что могло пробудить у юноши интерес к жизни, вдохнуть в него бодрость и энергию. Но теперь между ними и родовым замком оставался лишь Париж, а от Парижа уж точно не стоило ждать никакой помощи. Желание Бинди попасть в Париж было не настолько сильным, чтобы принимать его в расчет. У него вообще не было сильных желаний. Проблема вкратце заключалась в том, что лорд Эрни был лишен того желания, которое есть жизнь.

¹ Один из 32 округов Шотландии. — *Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. ред.*

Высокий, хорошо сложенный, красивый, он, тем не менее, казался слабым существом, которому не хватало энергии, чтобы быть необузданным или порочным. Его вялая, хоть и не упадническая, жизнь текла медленно и лениво. Душа у него не лежала ни к чему. Первое впечатление от него было благоприятным, но за ним не следовало ничего. Его интересы, если их вообще можно было назвать таковыми, лежали вне дома. Он немного интересовался полетами, однако недостаточно, чтобы всерьез заняться летным делом. Любил ездить на большой скорости, но только в качестве пассажира. Ему нравилось бродить по лесу, разводить костры, словно индейцу, но при условии, чтобы они быстро разгорались, правда не из-за романтики или любви к приключениям, а просто «потому что, знаете, я люблю огонь, люблю смотреть, как он горит».

Тепло доставляло ему какое-то странное удовольствие, возможно оттого, что он понимал, что его шестифутовому телу недостает жизненной энергии. Эта его любовь к огню была очень важна для него, хотя никто не мог понять почему. Ребенком он испытывал опасное влечение к фейерверкам и ко всему, что связано с огнем. Он мог, словно огнепоклонник, подолгу смотреть на пламя свечи, но ни разу не сделал в связи с этим ни одного интересного замечания. В лесу, как уже говорилось, он первым делом собирал хворост, хотя разведенный потом костер никогда не был частью какой-то конкретной цели. У него не было цели. В этом юноше напроочь отсутствовали порывы и огонь жизни. Его прекрасное тело было инертным.

Конечно же, Хендрикс совершил ошибку, отправившись туда — в маленькую заброшенную деревушку в горах Юра¹, хотя это был первый случай за все те нелегкие

¹ Горный массив в Северо-Западной Швейцарии и Восточной Франции.

месяцы, когда он позволил себе пойти на поводу у своего желания. Но от Домодоссолы¹ Симплонский экспресс должен был довести их до Лозанны, а оттуда до гор было рукой подать — к тому же, все это на пути домой. Им двигало лишь сентиментальное желание вновь посетить место, где десять лет назад он без памяти влюбился в хорошенькую дочь пастора, месье Лейзена, в доме которого снимал комнату. Он отправился туда учить французский. Такой небольшой крюк казался простительным.

Его вялого подопечного уговорить было легко.

— Мы можем направиться домой через Понтарлье, а не через Бале, и взглянуть на горы Юра, — предложил Хендрикс. — Железнодорожная линия сначала идет вдоль их границы, а потом сворачивает напрямую в массив. Мы даже можем остановиться по дороге, если захотите. Я знаю там одну любопытную деревеньку, Вилларе, куда я в вашем возрасте поехал изучать французский.

— Превосходно, — апатично ответил лорд Эрни. — Это ведь на пути в Париж, да?

— Конечно. Видите ли, у нас еще две недели до возвращения домой.

— Ну да, две недели. Так поехали. — Он воспринял это как свою собственную мысль и все решил.

— Если вам *действительно* хочется...

— О да. Отчего бы и нет? Меня тошнит от больших городов. — Он смахнул пыль с рукава пиджака безупречным шелковым платком и закурил сигарету. — Как скажете, — с улыбкой протянул он. — Я на все готов.

В его словах не было ни интереса, ни желания, никакого реального выбора, лишь вялое добродушие.

Предложения, как обычно, оказалось достаточно, словно юноша не обладал собственной волей. Его несогласие редко выливалось в нечто большее, чем простое недовольство, которое вскоре испарялось, потому что

¹ Город на севере Италии.

причина его забывалась. В нем отсутствовали признаки деятельной жизни — не было никакой энергии, агрессивности, сочетания желания и воли. Он был скорее равнодушным, нежели глупым, неспособным двигаться вперед по какой-либо собственной линии, как будто все колеса соскочили с шестеренок, — душа-размазня, которая получала достаточно впечатлений, однако никогда не использовала их подолгу. Ему ничто не шло на пользу. Из него не получился бы политик, тем более — государственный деятель. Семейный титул должен был достаться ничтожеству. Однако чувствовалось, что механизм был на месте. Вот если бы привести его в действие, запустить! Все это было очень печально. Лорд Эрни был наследником огромного состояния, с именем и положением, которые могли оказать влияние на тысячи людей.

Хендрикс, мужественный и настойчивый, но одновременно деликатный и понимающий, был хорошим выбором. Он видел проблему.

— Вы сделаете то, чего не смогут другие, — сказал ему взволнованный отец, — ведь он вас боготворит. И вы сможете критиковать его, не причиняя боль. Уж если кто и способен пробудить в нем интерес к жизни, так это вы. Я возлагаю большие надежды на это путешествие. И всегда буду у вас в долгу, мистер Хендрикс.

И Хендрикс взвалил на себя эту тягостную обязанность со свойственным ему благородством и великодушием. Он был добросовестен до мозга костей. Это незначительное отклонение от маршрута было его единственным отступлением от правил, если можно так сказать.

— Жизнь, свет плюс живое и легкое воздействие, — проинструктировал его маркиз. — Никакой скуки или меланхолии, случайные увлечения, если он этого захочет, — я расценю это как добрый знак, — и побольше общения с достойными людьми и интересных экскурсий

к достопримечательностям, насколько вы выдержите, — с улыбкой добавил он. — Только не перегружайте парня, хорошо? И главное — пусть он, по возможности, думает, что сам принимает решения.

Однако Вилларе едва ли соответствовала этим требованиям: в деревушке царила меланхолия. Хендрикс, чьи настроения слишком легко впитывала ничем не занятая натура юноши, был в довольно пессимистическом расположении духа. Однако одна ночь не могла принести вреда. Он раздумывал, откуда взялась мимолетная мысль, что им неплохо бы здесь побывать? Возможно, Лейзен, энергичный пожилой пастор, мог бы как-то помочь? Он помнил, что тот оказал значительное влияние на его собственное развитие, и с тех пор они изредка переписывались. Лейзен, безусловно, отличался от других, в нем была бескрайняя беспокойная энергия, как у моря. Хендриксу было трудно разобраться в своих мыслях, но Лейзен в них каким-то образом присутствовал — отсюда идея, что его энергичная личность будет полезна. По крайней мере, присущая ему жизненная сила сможет противостоять меланхолии.

Вилларе пряталась на неприветливых склонах гор, и ее бедность подчеркивалась мрачным одеянием из сосновых лесов, спускающихся с унылых вершин и из пустынных ущелий. Крестьяне в ней были угрюмыми, задавленными тяжелой жизнью. Это был темный заолустный уголок среди великолепных гор, забытая солнцем заводь. Хендрикс помнил, что там до сих пор еще жили невероятные суеверия, сознание обитателей деревни было омрачено чем-то зловещим. Пастор упорно боролся с чернотой в их жизни и мыслях. В самой деревне ему это более-менее удавалось, хотя даже там пьянство и местный образ жизни оставляли горькое чувство, но выше в горах, среди засушливых пастбищ, жители все еще были неукротимыми, вспыльчивыми, даже опасными. Хендрикс знал это с давних времен,

хоть и не совсем понимал. Но он помнил, что пастор запрещал мальчикам-англичанам посещать некоторые места, потому что жизнь в беспорядочно разбросанных по склонам домиков была разгульной и жестокой. Там таилась опасность, о которой, однако, прямо никогда не говорилось. На этих одиноких хребтах, возвышавшихся под темным небом, словно лежало проклятье. Еще он помнил свирепых собак, трудности сближения с людьми, агрессивное отношение к посещению отважным священником отдаленных горных пастбищ. Они не были частью его прихода, и Лейзен навещал эти места из человеколюбия и в качестве миссионера, ибо, насколько помнил Хендрикс, по округе ходили странные слухи о каком-то культе, который непокорные горцы исповедовали на своих продуваемых ветрами землях. Начало ему, как утверждалось, было положено неким пастором-отступником, чье имя теперь позабылось.

У самого Хендрикса не было личного опыта, связанного с этим культом. Он был слишком сильно влюблен, чтобы интересоваться посторонними вещами, пусть даже и странными. Но случай с Марстоном никогда не выходил у него из головы. Марстон, несмотря на запрет, поднялся наверх, пробыл там два дня и две ночи, а потом внезапно вернулся — каким-то сломленным, страшно измученным, с напряженным, покрытым морщинами лицом, словно повзрослев на двадцать лет. Однако при этом он был полон некой новой жизни, такой неистойвой, шумной и безрассудной, что это напоминало опьянение. Его отправили назад в Англию прежде, чем он успел что-то рассказать. Но он явно пережил потрясение. Его бледное, пылающее страстью лицо, его бьющая через край энергия и то, как месье Лейзен заслонял ему вид на горы, когда лично сажал его в парижский поезд, словно боялся, что мальчик, увидев их, снова устремится наверх, — все это осталось незабываемым впечатлением у Хендрикса в памяти.

Более того, существовала какая-то связь между сонной деревушкой и вереницей зловещих шале, вытянувшихся в темную линию на горных вершинах. Какая именно, Хендрикс так и не узнал, поскольку любовь делала все остальное для него неинтересным. Он помнил только, что время от времени в сонную деревушку спускались загорелые гонцы со смуглыми лицами. Это были рослые парни с крепкими руками и ногами, с всклоченными волосами и пылающими глазами, и их появление вызывало невероятный переполох и всеобщее возбуждение. Эти визиты сопровождались дикими оргиями, и когда посланники возвращались к себе, они уходили не одни. Наверху кипела жизнь, в то время как деревня отживала свой век. И никто из ушедших наверх так и не вернулся. Кудрефин, молодой великан-виноградарь, которого увели практически из объятий возлюбленной, вернулся через два года в качестве посланника. Он даже не спросил о своей девушке, которая за это время вышла замуж за другого.

— Там у нас наверху настоящая жизнь, — говорил он пьяным бездельникам в пивной «Вильгельм Телль». — Ветер и огонь, которые отправят вас к дьяволу или на небеса!

В его словах звучало искреннее воодушевление. А ведь, живя в деревне, он лишь бессмысленно напивался до полусмерти. Еще Хендрикс смутно помнил появлявшихся время от времени полицейских из соседнего городка, иногда конных. Все они были вооружены, а один раз их даже сопровождали солдаты. В другой раз неожиданно приехал епископ или какой-то еще высокопоставленный представитель церкви, обещавший радикальную поддержку духовного свойства, однако она так и не была оказана. Вспомнились ему и многие другие детали, которые сейчас возвращались с ясностью, неподвластной времени. Потому что любовь, пройдя свой путь, ушла, и теперь он был открыт другим воспоминаниям, в то

время казавшимся незначительными под влиянием всепоглощающей сладкой страсти.

Однако сейчас наставник хотел использовать случайно выпавшую неделю в октябре, чтобы снова увидеть уголок мшистого леса, где он познал то удивительное чувство первой любви, возобновить знакомство с Лейзе-ном, который многому его научил, и посмотреть, сможет ли кипучая жизненная энергия пастора оказать благотворное влияние на его апатичного подопечного. Расходы он намеревался оплатить из своего кармана.

О диких язычниках, обитавших высоко в горах, — даже если они все еще существовали, — упоминать не следовало. Лорд Эрни плохо знал французский и уж точно не понимал местный диалект. Одна ночь или даже две не представляли серьезного риска. Да и имелся ли вообще какой-то риск? Не было ли его смутное беспокойство лишь слабым уколом совести? Хендрикс не считал, что поступает неправильно. В худшем случае юноша сможет на несколько часов впасть в депрессию, которая быстро излечится поездкой на поезде.

И тем не менее что-то подсознательно его тревожило, и он пришел к выводу, что причиной тому — его воспоминание о живших в горах отшельниках, возрождение забытого мальчишеского благоговейного страха. Он посмотрел на Бинди, развалившегося на солнышке в мягком кресле на гостиничной лужайке, с газетой, валявшейся у его ног. Расслабленно сидя в нем, он казался таким большим, сильным и красивым, однако, несмотря на весь свой рост, был всего лишь хрупкой раскрашенной дощечкой, неспособной к сопротивлению и уж тем более к нападению. Хендрикс вдруг вспомнил еще одну вещь, пусть и не имевшую прямого отношения к его размышлениям, а именно, что мать мальчика, канадка, однажды зимой сильно пострадала в Квебеке, где с ней познакомился маркиз. Если он правильно помнил, она обморозила ногу, результа-

том чего, во всяком случае, стал ее непреходящий страх перед холодом. Она инстинктивно стремилась к теплу и солнцу, к огню. Кроме того, она страдала от мучительного недуга — астмы, отчего не могла сделать полный, глубокий вдох. Поэтому она всегда ощущала недостаток тепла и воздуха. К тому же Хендрикс знал, что время, когда она вынашивала Бинди, было для нее тревожным, причем ее тревога оказалась оправданной, поскольку она отдала за него жизнь.

Эта необычная мысль внезапно пронеслась у него в голове, когда он смотрел на развалившегося в кресле томного юношу, и сказанная Кудрефином фраза странным образом прозвучала у него в голове: «Жара и огонь, огонь и ветер... да ведь это именно то, чего ему недостает! И он повсюду их ищет. Как интересно!..»

II

Громыхающий желтый дилижанс подобрал их на берегу озера и через два долгих часа высадил в начале деревенской улицы, после чего продолжил свой нелегкий путь к границе. К их приезду заморосил дождь. Вечерело. Низкие тучи раньше времени принесли с собой ночь, укрыв далекие вершины Оберланда¹, но тут и там мерцали огоньки, расцвечивая своими сигналами окрестности. В деревне было очень тихо. Однако над ней и под ней бушевали два ветра, вызывая любопытные результаты. Внизу сильные порывы восточного ветра превратили поверхность озера в табун быстрых белых коней, сверкавших, словно крылья, на фоне темных отрогов Альп, в то время как западный ветер обдувал вершины гор прямо над деревней. Это было странное разделение двух состоя-

¹ Вероятно, имеется в виду регион Бернский Оберланд в Швейцарии. Оберланд — немецкий термин, обозначающий высокогорье.

ний погоды, предшествующее ее перемене. Тонкая яркая полоска ясного чистого неба изящно окаймляла силуэты гор Юра на севере, где звезды просвечивали сквозь бледную влажную пелену. Стремительные облака, гонимые верхним западным ветром, то скрывали их, то открывали взгляду. Казалось, по небу двигался весь горный хребет высотой пять тысяч футов. Между этими противоборствующими на разных высотах ветрами сама деревня лежала неподвижно, а весь мир как бы скользил мимо нее в двух направлениях.

— Похоже, земля вертится, — заметил лорд Эрни. Он весь день читал роман в поезде и на пароходе и без конца курил в дилижансе, где ехали только он и его спутник. Казалось, он внезапно проснулся. — Что это? — с интересом спросил он.

Хендрикс объяснил странное воздействие двух противоположных ветров. Столбы торфяного дыма прямыми тонкими линиями поднимались от размытых контуров домов, не задетые мощными порывами сверху и снизу. Ветры кружили вокруг них.

Лорд Эрни внимательно выслушал объяснение.

— Такое ощущение, что я вращаюсь вместе с ними, как юла, — заметил он, на секунду приложив руку ко лбу. — А что это за огни вон там?

Он показал на далекий хребет, где ярко горели костры, словно звезды попадали с неба и зажгли деревья. Их было несколько, и они располагались на равном удалении друг от друга. Острые вершины известняковых гор резко врезались в просветы чистого неба на севере на высоте тысяч футов.

— А-а, полагаю, это крестьяне жгут лес и все такое, — ответил ему наставник.

Юноша повернулся и, приставив ладонь козырьком ко лбу, на мгновение замер, стараясь разглядеть их.

— Там живут люди? — спросил он. В его голосе слышалось удивление, а тело как-то странно напряглось.

— Да, в горных шале, — с некоторым нетерпением ответил Хендрикс, заметив это. — Пойдемте, — добавил он, — устроимся на ночлег в доме плотника, пока дождь не усилился. Видите освещенные окна вон там? — показал он на здание у церкви. — Иначе нас настигнет буря.

Они быстро зашагали по пустынной улице в сгущающейся темноте, проходя мимо садилов, открытых дверей амбаров, разбросанных куч навоза и мощенных булыжником дворов, где изредка показывались человеческие фигуры. Но лорд Эрнн постоянно и без всякой видимой причины отставал. Пару раз, вызывая у Хендрикса растущее раздражение, он останавливался, чтобы посмотреть на вершины, видневшиеся в просветах между старыми полуразвалившимися домами. На дорогу тяжело упало с полдюжины крупных капель дождя.

— Поторопитесь! — крикнул Хендрикс, оглянувшись. — Иначе нас накроет буря. Это жоран¹, горный ветер. Слышите? Он уже приближается.

Но юноша пристально смотрел поверх невысокой стены. Потом он сделал жест рукой, словно указывая на хребты, где сияли огни. Хендрикс довольно резко окрикнул его. Конечно, он мог неправильно истолковать это движение. Возможно, юноша всего лишь провел пальцами по волосам, по глазам или приложил ладонь ко лбу, чтобы сфокусировать зрение, потому что стоял без шляпы, а свет был слабым. Вот только Хендриксу не понравились ни эта задержка, ни этот жест. Он добавил своему голосу властности:

— Идемте, прошу вас, пойдемте, Бинди! — крикнул он.

Последовавший ответ поверг его в изумление.

— Ладно, ладно, догоню вас через минуту. Мне это нравится.

¹ Сильный западный или северо-западный ветер со снегом, дующий весной с гор Юра в сторону Женевского озера.

Хендрикс вернулся на несколько шагов: тон юноши поразил его.

— Нравится что? — спросил он.

Лорд Эрни повернулся к нему с совершенно новым выражением лица. В нем было упрямство. В нем была решимость.

— Конечно же, вот это, — ответил юноша спокойно, но явно стараясь скрыть возбуждение, и махнул рукой в сторону гор. — Мне снилось что-то в этом роде. Я откуда-то это знаю. За всю нашу дурацкую поездку мы не видели ничего подобного. — Тут блеск в его карих глазах угас, и он добавил чуть тише, но очень твердо: — Не ждите меня, я вас догоню.

Хендрикс стоял как вкопанный. Решимость в голосе и манере подопечного заставила его остановиться. Уверенность, четкое выражение мыслей, нетерпение, желание, намек на энергичность — все это было ново. Он никогда не поощрял в своем воспитаннике привычку воспринимать яркие сны как предвестники будущего, считая подобное отношение неразумным. Но теперь его внезапно осенило, что этот «изъясн» мог казаться таким лишь на первый взгляд. Энергия и жизнь, возможно, таились в этом юноше на подсознательном уровне. Указывали ли сны на некую деятельность, которую он не сумел воплотить и соотнести с внешним миром? И не являлись ли они свидетельствами глубоко скрытых желаний — возможно, ключом к энергии, которую он искал и в которой нуждался, именно к той энергии, которая смогла бы запустить внутренние механизмы и управлять ими?

На мгновение он замешкался и в ожидании стоял на дороге. Он был на грани понимания того, что до сих пор упорно ускользало от него. Детская, инстинктивная любовь Бинди к огню, его страсть к воздуху, к порывистому ветру, к бескрайним океанам...

И в это мгновение в горах раздался глухой рев. Он был далеко, но быстро приближался, и его зловещий гул наполнял воздух. Ветер обрушивался в глубокие ущелья, сотрясая леса и издавая пронзительные звуки. С дорог у самых вершин в небо спиралью устремлялись облака белой пыли, потом они растягивались в подобие снежных покровов и с невероятной скоростью неслись вниз. Внезапно похолодало. Огромные капли дождя забарабанили по крышам и по дороге. Было ощущение, что вот-вот произойдет что-то жестокое и стремительное, ощущение надвигающегося удара. Ветер рвался вниз, в долину.

— Ну же, парень! — закричал Хендрикс что было сил. — Это жоран, я его прекрасно знаю! Это ужас! Бежим! — И он схватил все еще медлившего юношу за руку.

Но лорд Эрни вырвался почти яростно.

— Я был там, у огромных костров! — крикнул он. — Я видел все, что там творится. Но где это было? Где? — Лицо его побледнело, глаза сверкали, он был странно возбужден. — Высокие, обнаженные мужчины, танцующие, как ветер, и неистовые огненные женщины, и...

И тут случились две вещи, прервавшие горячую речь юноши. Во-первых, жоран добрался до деревни и обрушился на нее. Дома сотрясались, деревья согнулись пополам, и облако известковой пыли, окрасив темноту белым, с невиданной скоростью пронеслось между Хендриксом и юношей, на мгновение разделив их. Раздался грохот падающей черепицы, хлопающих дверей и окон, а затем ледяной дождь, как картечь, обрушился на округу, подняв облако водяной пыли. Воздух мгновенно сделался густым. Все несло мимо, ревело и дрожало.

И, во-вторых, прямо в то недолгое мгновение, когда Хендрикс и юноша оказались разделенными, между ними с призрачной быстротой пронеслась фигура мужчины без шляпы, с развевающимися волосами, через